

Загадка деревни Тусаньцунь

Горная деревня, с которой начинается эта история, была совсем маленькой — если считать по совести, всего двенадцать дворов, хотя девятнадцать лет назад её вполне можно было назвать крупным селением. Тогда оно называлось Ливань, и в деревне насчитывалось больше сорока дворов. К несчастью, ночью восемнадцатого марта тысяча девятьсот пятидесятого года, за исключением молодого человека по имени Ли Хуаньчжан, который незадолго до этого ушел из дома и чудом избежал гибели, все остальные были убиты. Расположенный через гору Цюаньвань постигла та же участь: лишь некто по прозвищу Цюань Лаоба пропал без вести незадолго до бойни, поэтому его не было в деревне во время расправы, но и после он больше никогда не объявлялся.

Десяток дней спустя, ранним утром, откуда ни возьмись появилась странная компания людей — все они были одеты как нищие. Когда люди из других деревень и товарищи, присланные сверху, прибыли хоронить мертвецов, эти бродяги проявили удивительную проницательность и принялись помогать в этом нелегком деле. Работая и переговариваясь, жители узнали, что они родом из Фанлин на западе провинции Хубэй. Поскольку восточные земли постепенно освобождали, всех бандитов повыгоняли в их края. Их родные места подверглись свирепому нападению: бандиты грабили, жгли и убивали, и спастись удалось лишь одной этой семье. Изначально они шли сюда в надежде найти родственников, но кто же знал, что и это место превратилось в груды трупов.

Главу семейства звали Гуань Хуайжэнь, на его левом подбородке не хватало куска мяса, а на шраме смутно виднелись следы детских зубов. Его жену звали Чжан Цзуйсяо, а трех сыновей — Гуань Дадао, Гуань Даян и Гуань Дапао. Вместе с ними шел младший брат Гуань Хуайжэня по имени Гуань Хуайи, закоренелый холостяк со следом от пули на левом ухе.

Ответственные товарищи послали людей навести справки в Фанлин, и всё оказалось именно так, как они рассказывали. Поскольку жители обеих деревень были полностью истреблены, проверить их слова было не у кого, и никто не знал наверняка, правда это или нет. Подумав, что, должно быть, правда, начальство разрешило им остаться здесь. Что же до странных людей и событий, происходивших в Ливане и Цюаньване перед самым истреблением деревень, то кое-какие слухи всё же просочились наружу. Очевидцы и любители посудачить передавали их следующим образом:

Говорят, еще в эпоху марионеточного правительства один шансийский геомант нес на спине кости своего отца, двигаясь на восток вдоль гор Циньлин, пока в поисках отрогов Горы Фулун не дошел до Монастыря Дитан. Он присел отдохнуть в лесу рядом с обителью и смутно расслышал звуки флейт и сеяньских цитр, звучащие словно пение бессмертных. По его мнению, место для этого монастыря было выбрано превосходно — его наверняка определил истинный знаток. Если бы этот монастырь не построили, драконья жила устремилась бы на запад, в пределы уезда Гучэн. Именно возведение обители здесь преградило путь драконьей жиле, и в будущем в уезде Гуансянь непременно должен был родиться великий человек.

Он подумал: если похоронить кости отца перед монастырем, будущая родовая могила непременно заполнится благовещим дымом. Он в спешке бросился к лучшему месту для захоронения, но не успел вырваться из густого леса, как его сердце тревожно ёкнуло и ухнуло в пятки. Оказалось, что те самые звуки бессмертной музыки исходили отсюда. Он увидел толпу

людей, опускавших в землю гроб.

Шансиец, конечно же, не знал, что это семейство по фамилии Хань хоронило отца на Драконьем Лобу. Старики поговаривали, что именно благодаря этому у семьи Хань появился Хань Бисин, который поочередно занимал пост председателя провинциального правительства при Гоминьдане. Именно его высокое положение сделало клан Хань самым влиятельным в ту пору в уезде Гуансянь. Каждый раз, возвращаясь на малую родину, Хань Бисин выкупал весь товар у всех винокурен и мясных лавок города, на три дня накрывая бесплатные столы прямо под открытым небом в самом центре города. Неважно, был ли человек богат или просил милостыню, стоило ему занять место за столом, и он гарантированно уходил сытым и довольным. В те недолгие дни каждый помогал дойти до дома опьяневшим людям, и не было никого, кто не хвалил бы великого чиновника.

Возвращаясь же к геоманту: вспомнив, что в глубине бамбуковой рощи есть древний колодец, он с переполненным горечью сердцем вернулся в лес, обнял кости отца и бросился в колодец, покончив с собой. Этот решительный поступок отражал смысл изречения: благородный муж печалится не о собственной смерти, а о том, что его путь не претворен в жизнь.

В тысяча девятьсот сорок втором году японские захватчики обстреляли уезд Гуансянь из пушек с холма Цзялоухэси, и несколько снарядов перелетели через реку, угодив в Монастырь Дитан в восточных горах этого города. Драконья жила мгновенно истончилась и уткнулась в Гучэн, так что Хань Бисин в конце концов так по-настоящему и не возвысился.

Конечно, это были бредовые рассказы, в которые не поверил бы даже чёрт, — не более чем ошибочные слухи, передаваемые стариками. Впрочем, следует с пониманием отнестись к старикам той эпохи, ведь время, в которое они жили, определяло их историческую ограниченность. До самой смерти они не смогли бы отказаться от некоторых вещей, вынесенных из старого общества, точно так же, как нельзя стереть морщины с их лиц.

Слепые японские снаряды не только разрушили Монастырь Дитан, но и убили всех монахов в обители, после чего монастырские земли перед воротами некому стало возделывать. Из-за смутных и тревожных времен ни в Цюаньване к северу от монастыря, ни в Ливане к югу никто не брался за уход за этими плодородными полями, и они заросли.

Весной тысяча девятьсот сорок девятого года в Ливань пришел высокий монах с густыми бровями, облаченный в золотую шелковую рясу, опирающийся на девятикольный посох и с массивным золотым кольцом в левом ухе. Совершив подаяние и вкусив пищу, он сказал столпившимся вокруг него сельчанам: В древности Хань Синь отблагодарил тысячей золотых за миску еды старухи, моя же благодарность будет куда щедрее. Затем, понизив голос и придавши ему таинственный вид, он продолжил: Благодаря пожизненным духовным практикам старый монах уже способен мысленно странствовать по восьми пределам и постигать небесные тайны. Мое прорицание показало: гора между вашими северной и южной деревнями — это Спящий Дракон на поле, чье раскаяние длится уже тысячелетие, и Небесная воля повелевает ему взлететь в небеса. Когда в этом году грянет первый гром, повелитель громов расколется землю на Драконьей Голове и посеет золото, после чего золото заполнит всю гору, вершины превратятся в истинное тело золотого дракона и улетят в день окончания великих бедствий страны. В этот период глубоко разорвите горный хребет, и если каждый добудет по сотне с

лишним кусочков золота, для золотого дракона это сущие пустяки, и даже Верховный Владыка Севера не станет вас винить — таково веление времени: вещь, исполненная духовной энергии, обречена стать совершенной; сколь глубоко ни нанеси ей рану, она сама собой разгладится и затянется. Но есть одно условие: добывать золото можно, а вот разглашать небесную тайну категорически нельзя, иначе все жители деревни вымрут до единого, помните это крепко-накрепко.

Покинув Ливань, он заглянул в Цюаньвань, проделал там то же самое представление, а затем вышел на узкую козлиную тропу, и его фигура скрылась в мрачных лесах синеющих гор.

Уходя, монах оставил после себя шлейф из двух сгустков тревожной и удушливой атмосферы, которая зловеще нависла над головами жителей обеих деревень. Наконец, в один омраченный низкой тучей вечер предзакатного часа эта спертая атмосфера была разорвана сильным ветром, и золотистая искра молнии воспользовалась моментом, чтобы вонзиться прямо в монастырские земли. Почти одновременно с этим глухой раскат грома громыхнул вдоль самого горизонта, и его свет и грохот напоминали падение солнца на Землю. Хлынувший следом ливень хлестал жителей обеих деревень по спинам, словно кнут, и они наперегонки бросились на монастырские земли. После безумной копки они раздобыли пять слитков золота. Во-первых, число было нечетным, а во-вторых, их было слишком мало, из-за чего их трудно было поделить. Продолжив копать еще какое-то время, они больше ничего не нашли.

Люди единодушно устремили свои взгляды на эти пять слитков. При дефиците ценностей неизбежно разгорелась смертная борьба. После звонкого стука лопат и мотыг на земле остались лежать несколько трупов. Выступил старейшина и остановил их, сказав: Раз мы увидели золото, значит, слова того монаха были правдой. А раз это правда, нужно закопать золотые семена обратно в землю, и никто не должен их забирать — подождем, пока их станет больше, и тогда копать будет не поздно. Так они в итоге и поступили.

С тех пор жители обеих деревень, имея свободное время, любили побродить по горе. Кто же не хотел первым стать свидетелем чуда, когда желтая земля превратится в золото? На краю густого леса Ли Хуаньчжан из Ливаня и Цюань Лаоба из Цюаньваня подобрали по одному седому бровному волоску. На бровях была какая-то своя клейкая субстанция, они даже липли. Предположительно, это были чьи-то вещи для маскировки, которые использовали и выбросили здесь. Они приклеили их себе на брови, и кончики бровей свесились до самых плеч. Поскольку у каждого было лишь по одному волоску, это выглядело одновременно асимметрично, негармонично и жутко комично.

Ли Хуаньчжан принял горделивую позу, помрачнел лицом, сжал длинные брови и с абсолютно серьезным видом обратился к Цюань Лаоба: Послушай, похож ли я на достигшего Дао высокого монаха?

Цюань Лаоба ответил: Ни капли. По-моему, ты вылитый клоун-шут.

Это ты клоун-шут! Я — монах Аньши.

Что еще за монах Аньши или монах смутных времен?

Этого-то ты и не знаешь. Слушай сюда: жил да был в давние времена холм, звали его холм Аньши; на холме стоял храм, звали его храм Аньши; а в храме жил монах — это, конечно же, я, и звали меня, разумеется, монах Аньши. И был у меня боров, угадай-ка, как его звали?

Цюань Лаоба наотмашь выпалил: Я свинья, да я свинья, я свинья, да я свинья! И выглядел при этом так, будто боялся ответить слишком медленно и показаться круглым дураком. Когда сельчане покатались со смеху, Цюань Лаоба наконец понял, что угодил в грандиозную ловушку. Ослепленный яростью и стыдом, он бросился на Ли Хуаньчжана с кулаками. Ли проворно увернулся и нырнул в чащу. Цюань бросился в погоню за ним прямо в лес.

Если подумать, дело-то выведенного яйца не стоило, но тут произошло нечто мистическое. Уйдя в чащу леса, они так оттуда и не вернулись, бесследно пропав. Лишь несколько лет спустя люди узнали, что Ли Хуаньчжан стал зятем, живущим в доме жены в уезде Гучэн в Цзялоухэси, а судьба Цюань Лаоба по-прежнему оставалась неизвестной.

Осень — пора урожая. Изнывавшие от бесконечного ожидания жители обеих деревень больше не могли терпеть. Ранней осенью сорок девятого года они начали масштабные раскопки горы в поисках золота. К их глубокому разочарованию, басни о золоте на склонах горы оказались обманом: исчезли даже те пять золотых слитков, что были найдены ранее. Доведенные до отчаяния и пришедшие в ярость люди без устали копали целых полгода, превратив Гору Фулун в Долину Фулун, но так и не обнаружили ни единой крупницы золота.

Тогда люди решили, что Ли Хуаньчжан — человек башковитый, который намеренно подшутил над Цюань Лаоба, заманил его в лесную чащу, а затем они сговорились и вместе сбежали, прихватив золото. Даже если они не крали золото, бегство двоих людей запросто могло привести к утечке небесной тайны, о которой предупреждал высокий монах, а это грозило навлечь бедствие на всю деревню. В итоге они схватили семьи обоих мужчин, избили их до полусмерти, но так и не смогли выпытать у них местонахождение беглецов, после чего заперли их в коровнике.

Вечером восемнадцатого марта пятидесятого года полная луна сияла так ярко, будто стоял белый день. Ветра не было. Из коровника повалил густой черный столб дыма, поднялся до половины неба и там рассеялся, а затем мгновенно опустился вниз туманной пеленой, отравив и повалив без чувств всех людей и животных в радиусе десяти ли. Окружающие жители проспали беспробудным сном целых полмесяца и, очнувшись, обнаружили, что все жители деревень Ли и Цюань погибли, а Долина Фулун словно по волшебству вновь превратилась в Гору Фулун.

<http://bllate.org/book/22008/2287953>